

Пам'ятні дати

До 100-річчя з дня народження М. Г. Зельдовича

1 августа 2019 года исполнилось 100 лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора кафедры истории русской литературы Харьковского государственного университета Моисея Горациевича Зельдовича (1919–2008). Этой знаменательной дате была посвящена Международная научная конференция «История и теория литературы в современной филологической эпистеме», прошедшая на филологическом факультете Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина 24–25 октября 2019 года.

Моисей Горациевич Зельдович родился 1 августа 1919 г. в г. Каменец-Подольский (ныне – Хмельницкой области). В местную школу пошел в 1927 г. В 1932 г. вместе с родителями переехал в Харьков. В 1937 г. окончил школу и поступил на филологический факультет Харьковского государственного университета.

В 1941 г. Моисей Зельдович заканчивал 5-й курс. После начала войны был эвакуирован в Казахстан, где учился с января по май 1942 года в Объединенном украинском государственном университете в Кызыл-Орде Казахской ССР.

С отличием окончив университет и получив рекомендацию в аспирантуру, молодой человек ушел на фронт. Служил Моисей Зельдович в автоматном, затем пулеметном батальонах. Как знаток немецкого языка, он был направлен в Москву на спецфакультет Военного института иностранных языков Красной Армии, где проучился пять месяцев. После этого служил в разведке 3-го Белорусского фронта. Был переводчиком в штабе армии, штабе корпуса, в лагерях для немецких военнопленных.

В декабре 1945 г. М. Г. Зельдович демобилизовался и вернулся в Харьков, где стал работать переводчиком. В 1946 г. поступил в заочную аспирантуру при кафедре истории русской литературы ХГУ. В 1947 г. появилась его первая публикация «Ломоносов и классицизм» (в материалах студенческой конференции). В 1949 г. молодой ученый успешно защитил кандидатскую диссертацию «К истории и теории реализма передовой русской литературы сороковых годов XIX века».

С 1948 г. стал преподавателем, а после защиты диссертации – доцентом кафедры истории русской литературы ХГУ. Преподавал теоретико-литературные дисциплины и историю русской литературы XIX века. Основными направлениями его научных исследований стали теория литературы, теория, история и методология литературной критики.

Первая монография – «Вопросы теории реализма» – вышла в 1957 г. В 1969 г. Моисей Горациевич защитил докторскую диссертацию «Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и русская критика их времени», после чего в 1972 г. стал профессором кафедры.

М. Г. Зельдович является автором более 200 печатных работ. Основные его труды: «Русская литература XIX в.: хрестоматия критических материалов», составленная совместно с Л. Я. Лившицем (выпуск 1 – 1959, выпуск 2 – 1961; дополненные, переработанные переиздания в 1964, 1967, 1975); «Н. А. Добролюбов: семинарий», составленный совместно с М. В. Черняковым (1961); монография «Чернышевский и проблемы критики» (1968); сборники научных статей и очерков «Уроки критической классики. Вопросы теории и методологии критики» (1976), «Историзм и творчество» (1980), «Страницы истории русской литературной критики» (1984), «В поисках закономерностей: О литературной критике и путях ее изучения» (1989). М. Г. Зельдович был составителем сборников «Белінський Віссаріон: Думки про мистецтво» (1976), «Мысли о литературе и искусстве» А. С. Пушкина, А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина (1984, 1987, 1989), автором вступительных статей и примечаний.

В 1998 г. уже в преклонном возрасте вместе с сыном Моисей Горациевич переехал в Польшу, в город Торунь, куда Геннадий Моисеевич был приглашен работать. Со временем Зельдович-младший стал профессором Варшавского университета. Моисей Горациевич прожил в Польше 10 лет и умер 2 декабря 2008 г.

После его ухода сын переиздал основные труды отца в двухтомнике под названием «Творческое поведение: О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины 19 века и общих принципах подобных штудий» (Харьков, 2010).

Воспоминаниями о М. Г. Зельдовиче поделились его коллеги, много лет проработавшие рядом с ним на кафедре и факультете. Вспоминает О. В. Анкудинова, доцент кафедры истории русской литературы:

«Я познакомилась с М.Г. Зельдовичем в далеком 1951 году, когда поступила на филологический факультет. Наше знакомство продлилось до самого ухода Михаила Горациевича на пенсию, т.е. без малого 50 лет. К тому времени я уже давно была его коллегой.

Если бы сейчас меня спросили, какова главная черта характера Михаила Горациевича, я бы ответила: страстная (именно так!) увлеченность наукой. Он обладал обширными знаниями в разных областях филологии. Основной круг его интересов в 50–60-е годы был сосредоточен преимущественно на проблемах истории и теории критики. Но это не значит, что он был ограничен этой сферой знаний. Михаил Горациевич мог, например, придя на кафедру, сообщить о новых работах в европейском пушкиноведении или свежих публикациях по темам научных интересов своих коллег.

Слово Михаила Горациевича всегда было для нас большим авторитетом. Но не только для нашего коллектива. В научном общении с коллегами Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и других городов я неоднократно убеждалась в том, что имя М. Г. Зельдовича стало визитной карточкой нашей кафедры.

Тип его устных высказываний хочется охарактеризовать особо, будь то участие в научных конференциях, выступления на Ученом Совете, методологическом семинаре или заседании кафедры. В речах Михаила Горациевича всегда звучала некоторая категоричность. Он никогда не употреблял таких слов, как «может быть», «казалось бы». Скорее его выступлениям была присуща другая модель выражения: «не приходится сомневаться, что...». Я думаю, что ход логических рассуждений, т.е. черновая работа мысли, происходили заранее. Цена свое время и время слушателей, он выносил на публику уже сформировавшееся мнение о предмете разговора».

О М. Г. Зельдовиче рассказывает Лилия Алексеевна Быкова, профессор кафедры русского языка, ныне живущая в Калифорнии.

«Моисей Горациевич – явление яркое, масштабное. Он был известен в нашей большой стране как филолог и философ. Каждый, кто пишет о нем, вспоминая его труды и дни, осознает, что одаренность его была свыше. Сам он был невероятно трудоспособен, честен. Чувствуя свою силу и правоту, чувствуя необходимость возразить (когда это было возможно), он ВМЕШИВАЛСЯ – против глупости, бездарности, пошлости – касалось это его лично или нет. Темперамент имел взрывной. Но вежлив, уважителен и благожелателен оставался всегда. У него были почитатели и друзья в Украине, в Союзе, за рубежом. В Гданьском университете переводили и издавали часть главной работы Моисея Горациевича. Его науку можно сравнить с фундаментальными знаниями в науках естественных – нет ничего практичнее, чем хорошая теория».

В его трудах звучали полузабытые теперь имена российских деятелей культуры, идеологов искусства. Интерес Моисея Горациевича к их личностям (к революционерам-демократам, в частности) не противоречил его вниманию к современной западной науке. Из Польши я привозила ему работы польских филологов, в том числе и общеизвестный теоретический труд Ежи Фарыно. Тогда, в 70-е годы, в книге Фарыно все было новым и удивительным – система представлений о мире литературного произведения, о способах и путях его анализа, выход в семиотику и культурологию, в другие сферы искусства. Харьковского теоретика литературы Зельдовича по-настоящему профессионально интересовали исследования зарубежных ученых, польских литературоведов и философов. Думаю, привлекали присущий им дух вольности, свобода способов выражения мысли, «европейскость». Помню, он подарил мне одну из своих уже последних работ. Как и другие ее читатели, я заметила, что написана она по-новому – живо и свободно.

Феномен языковой личности Моисея Горациевича достоин поучительного анализа. Писал и выступал он действительно блистательно. Природный риторический дар? Высокий лаконичный академизм? Устная публичная речь его тоже носила печать книжности. Точность терминологии (недаром поляки переводили его работу о терминах), глубинное сопряжение абстрактных понятий, может быть, даже влечение к синтаксическому периоду, мощная энергетика интонационного рисунка фразы. Если бы измерялся лексикон индивида, ему не было бы равных – особенно в отношении раритетных слов».

Все, кто знал Моисея Горациевича, были свидетелями его отеческой любви и заботы о сыне. Вспоминает Г. М. Зельдович, доктор филологических наук, зав. кафедрой семиотики Института прикладной лингвистики Варшавского университета:

«Когда я задумываюсь, что же было главным сюжетом в папиной судьбе, неизменно возвращаюсь к одной и той же мысли: жизнь если не в чуде, то где-то поблизости от чуда, жизнь в удивительной непривязанности к внешним обстоятельствам.

Папа никогда меня не обманывал – и не обманывал других. Ошибался, бывал чудовищно непрактичным, почти ребенком, обманывался сам, многое распознал в этом самообмане в последние годы, страдал, но не помню случая, когда я бы почувствовал в его поступках или словах какую-нибудь фальшь, хотя бы самую тонкую корысть, почувствовал, что он перестал быть собой. А вместе с его редкостной внутренней сохранностью, с его провидческой мудростью, умением и интеллектуально, и интуитивно схватить самую глубокую суть человеческих отношений, с умением, ни на что в бытии не закрывая глаз, уверенно жить на высших этажах своего существа это производило такое впечатление, будто при папе заново рождаешься, ибо открываешь совершенно новые стороны собственного я – занятие, которое и сегодня меня завораживает, но в котором папа – едва ли умышленно – давал неоценимую помощь, далеко выходящую за рамки штатных родительских обязанностей.

Он успел увидеть мои книги переводов, которые готовились под его сильным нажимом и значили для него как бы не больше, чем собственные. Он делал все, чтобы я стал собой. Никогда, даже в самое тугое время, не приходилось выбирать между заработком и самосозиданием. Он показал, что в любых обстоятельствах можно искать и находить смысл».

Кафедра истории русской литературы
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина